

УДК 82.0
МРНТИ 17.82.32

**СТИХОТВОРЕНИЕ П. ВАСИЛЬЕВА «МЯСНИКИ»
В КОНТЕКСТЕ ИДЕИ ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Васильева О.В.¹, Вальтер Е.¹

¹*СКГУ им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан*

Аннотация

Творчество поэта может стать фокусом, в котором преломляются особенности мироощущения целого поколения, особенно, если речь идет о поколении, ставшем ровесником революции, ощутившем на себе все колебания времени. П. Васильев сконцентрировал в своем творчестве не только особенности двух культур: русской и казахской, но и меняющиеся веяния времени от пафоса преобразования, до неосознанной тоски. В стихотворении «Мясники», выбранном для анализа, в сжатом виде представлена идея возрождения к новой жизни, ставшая в последствии лейтмотивной в лирике П. Васильева, в мифопоэтическом контексте. Материал статьи может быть интересен для осмысления особенностей историко-литературного процесса на занятиях по истории русской литературы 20-го века, а также в рамках изучения регионального компонента на уроках литературы и факультативах в общеобразовательных школах.

Ключевые слова: мифологема, эсхатологическое предчувствие, «русский азиат», метафорический строй, образ разделанной туши.

**П. ВАСИЛЬЕВТИҢ «ҚАСАПШЫЛАР» ӨЛЕҢІНІҢ КОНТЕКСТТЕ
ҚАЙТА ЖАҢАРУЫ**

О.В. Васильева¹, Е. Вальтер¹

¹*М. Қозыбаев атындағы СҚМУ, Петропавл, Қазақстан*

Аңдатпа

Ақынның шығармашылығы тұтас ұрпақтың дүниетанымдық ерекшеліктеріне, әсіресе уақыттың барлық ауытқуларын басынан кешірген революциямен жасты ұрпаққа негіз бола алады. П. Васильев өз шығармашылығында екі мәдениеттің: орыс және қазақ мәдениеттерінің ерекшеліктерін ғана емес, сонымен бірге қуатты өзгеруден бейсаналық құмарлыққа дейінгі уақыттың ауытқуларына назар аударды. Талдау үшін таңдалған «Қасапшылар» поэмасы кейінірек П. Васильевтің лейтмотивіне айналған жаңа өмірге қайта оралу идеясын мифопоэтикалық тұрғыда жинақтайды. Мақаланың материалдары ХХ ғасырдағы орыс әдебиетінің тарихын зерттеуде, сонымен қатар жалпы білім беретін мектептерде әдебиет және қосымша сабақтарда аймақтық компонентті зерттеу үшін қызықты болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: мифологема, эсхатологиялық ескерту, «орыс азиат», метафоралық жүйе, қаңқаның кескіні.

**POEM BY P. VASSILYEV «THE BUTCHERS» IN THE CONTEXT
OF THE REBIRTH IDEA**

O. Vassiliyeva¹, E. Valter¹

¹*NKSU named after M. Kozybaev, Petropavlovsk, Kazakhstan*

Abstract

The poet's works can become a focus point where the features of the world perception of a whole generation are refracted, especially when the case is the generation that is peer to the Revolution and has experienced the Zeitgeist. In his work P. Vassiliyev concentrated not only the features of two cultures: Russian and Kazakh, but also the changing trends of the time from the pathos of transformation to unconscious anguish. Poem «The Butchers», selected for analysis, summarizes the idea of the rebirth to a new life, which later became the leitmotif of the P. Vassiliyev's poetry in a mythopoetic context. The material of the article may be interesting

for understanding the features of the historical and literary process in the study of the history of the 20th century's Russian literature, as well as in the study of the regional component in literature and elective classes in secondary schools.

Key words: mythologem, eschatological premonition, «Russian Asian», metaphorical system, character sketch of dressed beef.

Введение

Павел Васильев принадлежит поколению ровесников революции не в метафорическом смысле этого слова. Его детское сознание формировалось в период разворачивающейся на его глазах катастрофы, причем не ее откликов, лишь доносящихся до центра империи, а непосредственных кровавых боев развернувшихся на периферии, ставшей в этом смысле на определенный период исторического времени кровавым центром. К тому же, «русский азиат» по выражению С. Куняева, он органично соединил в себе ментальные особенности двух миров: русского и казахского. Этим обусловлена особая поэтика лирики П. Васильева, аутентичная, на наш взгляд, духу нового времени. В ней сплелись не только отголоски разных ментальностей, но и пафос стремления к новому, навеянный эпохой, соединенный с безотчетной тоской казацкой крови, текущей в нем.

Обращение к стихотворению «Мясники» в контексте предпринятого нами исследования не случайно. Стихотворение написано в 1929 году, в период, когда П. Васильев уже активно печатался в сибирских журналах, но еще не снискал славу столичного поэта. Это стихотворение, не вошедшее в прижизненные сборники поэта, можно отнести к раннему периоду его творчества. Многие образы, намеченные в нем будут развиты в более поздний период, что позволит нам в перспективе рассмотреть динамику образного и метафорического строя лирики поэта. Кроме того, в этом стихотворении, на наш взгляд, намечены особенности мироощущения поэта, обусловленные различными факторами.

В центре стихотворения – базарные ряды с забитым скотом, «теленка отрубленная голова», на «тяжёлых крюках...мясники пеленают багровые туши» [1, 313]. Ярмарки были обычным явлением в городах Степного края. Основным объектом торговли на Кояндинской ярмарке, например, был скот и продукты животноводства (бараны, лошади, верблюды, коровы), шерсть, кожи, меха (волка, лисицы, сурков, куницы и т.д.), конский волос. В многотомной энциклопедии «Киргизский край» о ней сказано следующее: «Ежегодно в указанное время Талдинская долина... оглашается шумом тысячеголосой толпы, представляющей из себя в буквальном смысле «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний», кишит огромными табунами лошадей, верблюдов, баранов. Кругом шум, гам, непрерывное движение, несмотря на изнуряющий зной и духоту июньского дня... В двух главных рядах, образующих собой длинную, широкую улицу, помещаются мануфактурные, чайные и проч. магазины... В соседних с ними рядах помещаются ташкентцы со своими товарами (бязь, шелковые, хлопковые ткани, ковры, сушеные фрукты и проч.), склад швейных машин Зингера, получающих за последнее время большое распространение в степи...» [2].

Безусловно, происходящее на этих ярмарках, в том числе и торговля свежим мясом, не могла не врезаться в сознание будущего поэта. В стихотворении «Ярмарка в Куяндах», написанном в 1930 году, Васильев эту картину художественно воплотит:

Полстраны, заседлав коней,
Скачет ярмаркой в Куяндах. [1,234]

Здесь и «баранов пышные отары», и казачьи табуны коров, и степные кони.

И станишники смотрят – во!

И киргизы смеются – во!

И, конечно же, это торговля свежим мясом. «Часть скота забивалась на созданных при ярмарках ближайших салганах...такие салганы или бойни существовали при всех... ярмарках» [5, 83]. Тонко чувствующему цветовую палитру П. Васильеву это не могло не запомниться.

Для искусства интерес к теме окровавленного мяса, разделанных туш не нов и не случаен. В частности, она довольно популярна в живописи фламандских художников, обращавшихся к этой теме как к символу смерти, с одной стороны, так и демонстрации сытного изобилия, с другой. Зачастую разделанная туша, окровавленное мясо может демонстрировать обнаженную суть вещей. Так, например, в работах Франса Снайдерса – туши – не символ смерти, а символ изобилия, богатства и наслаждения земными благами. У Аннибале Карраччи убой скота и разделка туши – проза повседневной жизни, а убийство представлено, как одна из основ повседневного существования. На полотнах Рембрандта зачастую обращение к разделанной туше животного, как правило телёнка, служит подчас иллюстрацией к притче о Блудном сыне. «На полотне Рембрандта ярко освещенная освежеванная туша развернута к зрителю, выставя напоказ беспощадную картину смерти» [3]. Теленок, заколотый в честь возвращения непутевого сына, занимает существенное место в композиции голландских мастеров 18 века.

Мысль о возможном влиянии живописи голландцев на мироощущение П. Васильева не случайна. Как отмечает С. Куняев, «определенный толчок к пробуждению творческого дара давали также уроки живописи, которые вёл пейзажист, участник выставок передвижников и близкий друг Репина Виктор Павлович Батулин. Он не только преподавал азы живописного мастерства, он учил проникать в самую суть замысла художника, посвящал учеников в тайнства расположения красок и света на холсте, рассказывал об особенностях художественной композиции...» [4, 159].

Для искусства 20-го века эта тема стала не менее актуальной, чем для фламандцев, интерес к ней обусловлен целым рядом исторических событий как в Европе, так и в России. В европейском искусстве стоит выделить, например, живопись Хаима Сутина, который пишет девять полотен, посвященных разделанным тушам скота. В 1925 году в России выходит фильм С. Эйзенштейна «Стачка», в котором мотив бойни лейтмотивом проходит через весь фильм. Фильм вдохновил немецкого писателя А. Деблина, написавшего роман «Берлин Александрплац» в том же 1929 году, что и П. Васильев стихотворение «Мясники». Кроме того, П. Васильев мог быть знакомым со стихотворением Н. Заболоцкого «На рынке», написанного в 1927 году и опубликованного в скандально знаменитом сборнике «Столбцы» в том же 1929 году, что и стихотворение П. Васильева:

...И мясо властью топора
лежит как красная дыра;
и колбаса кишкой кровавой
в жаровне плавает корявой;
и вслед за ней кудрявый пес
несет на воздух постный нос,
и пасть открыта словно дверь,
и голова — как блюдо,

и ноги точные идут,
сгибаясь медленно посередине... [6, 159]

Этот интерес мог возникнуть еще и потому, что волею судьбы П. Васильев оказался в центре тех социальных катаклизмов, которые выпали на второе десятилетие века.

Живя в Петропавловске, семья Васильевых стала очевидцем восстания казахов Каркаралинского уезда, затем противостояния частей красной и белой армий. В 1917 году П. Васильев начинает учебу в Петропавловском высшем начальном училище. В начале 1918 года в городе устанавливается Советская власть. А 1 июня того же года Петропавловск переходит в руки казачьих частей и чешских дивизий, сформированных из военнопленных, участников боев на фронтах Первой мировой войны. «Казачи отнюдь не отличались гуманностью по отношению к большевикам, но мародерство и зверство чехов запомнилось жителям города на всю жизнь и передавалось из поколения в поколение. Самосуды над работниками советских учреждений, избияния и убийства лавочниками среди бела дня на улицах города большевиков, ранее проводивших реквизиции, - все это отпечаталось навсегда в памяти восьмилетнего мальчика. На глазах его был буквально растерзан озверевшей толпой один из работников местного совета К.Р. Сутюшев» [4,156]. Эсхатологические предчувствия, ощущения хрупкости и бренности человеческой жизни, мысль о жертве во имя другой, новой жизни аккумулируются в стихотворениях поэта.

Все приведенные факты еще раз позволяют говорить о значимости стихотворения в художественном мире П. Васильева, выразившего в своей лирике настроения своего поколения.

Обратимся, непосредственно, к стихотворению «Мясники», которое можно разделить на две части. Образы первой части словно сходят с полотен фламандских живописцев: «на изогнутых в клювы тяжелых крюках» разделанные «багровые туши», «теленка отрубленная голова», словно оживая, «поводит глазами», мясники, «перепачканные в сале и желчи» вытирают свои ножи «о бараньи сановные пышные баки». Всю эту достаточно живописную картину словно пеленает «терпкий запах», который «плывет из раскрытых отдушин». Лай голодных, «мертвоглазых» псов лишь дополняет картину, вызывая прямые ассоциации с псом из поэмы «Двенадцать» А. Блока и первых глав романа М. Булгакова «Собачье сердце». Шелудивые, паршивые, нищие, голодные, мертвоглазые воющие псы русской литературы начала 20-го века требуют отдельного анализа, выходящего за рамки данной статьи. Заметим лишь, что в мертвых глазах обессиленных собак П. Васильева словно отражен контраст между кровавым торжеством изобилия багрового мяса, нутряной сущности человеческой жизни, и голодом и страхом, заставляющим животное, традиционно ассоциирующееся в читательских ожиданиях с достоинством, верностью, лаской, униженно дрожать у «беспощадных ног» хозяев.

Однако стоит отметить, что при всей эсхатологичности сюжета этой части стихотворения, он не воспринимается таковым. Строка «сквозь сосну половиц прорастает трава/Подымая зелёное шумное пламя», с которого начинается стихотворение, наделяет этот сюжет новым смыслом. Образ зеленой шумной травы, прорастающей сквозь политые кровью сосновые половицы содержит в себе смысл, который уже спустя год будет развернут в стихотворении «Киргизия». Вслушиваясь в «топот табунный» закутанных в разорванные шкуры гуннов, всматриваясь в древние

степные просторы, политые кровью, лирический герой видит вполне конкретную форму новой жизни:

Но здесь, на дорогах ветров и пожаров,
 Строительства нашего встанут огни! [1, 29]

Но прорастет эта новая жизнь сквозь политую кровью землю предков, ею вскормленная:

Земля, набухая, гудит и томится
 Несобранной силой косматых снопов,
 Зеленые стрелы

взошедшей пшеницы

Прокोलют глазницы пустых черепов. [1,30]

Так зеленая трава в стихотворении «Мясники» трансформируется в косматые снопы пшеницы, символ плодородия, а сосновые доски – в землю, набухшую, томящуюся новой нарождающейся жизнью, отчетливо проявляя и конкретизируя идею новой жизни, формирующуюся в лирике П. Васильева.

Мифологема «первобытного огня», которым горит топор мясников, придет второй части стихотворения мифопоэтический подтекст. Примечательно, что этот фрагмент текста стихотворения начинается многоточием, ассоциирующегося в восприятии читателя с продолжающимся явлением:

...Зажигает топор первобытный огонь,
 Полки шарит березою пахнувший веник,
 Опускается глухо крутая ладонь
 На курганную медь пересчитанных денег.

Зажженный огонь словно освещает картину «звериного уюта», в котором «березой пахнувший веник» призван отогнать злых духов. И это происходит в вечности. Это тем более важно, что в центре мира, окруженного мясными рядами молодые девушки, похожие на древнегреческих парок, прядущих нить судьбы, «белое кружево ткут». Как на картинах фламандцев, они находятся в одной плоскости с разделанными тушами, демонстрируя единство жизни и смерти, хрупкость жизни рядом со смертью. «Курганная медь пересчитанных денег» лишь дополняет эту повторяющуюся в вечности картину сосуществования бытийного и бытового. Как когда-то, так и сейчас девушки ткут кружево, мечтают о свадьбе – извечной мечте всех девушек. И лишь «шиповника цвет...как подбитых гусынь покрасневшие перья» напоминает об окровавленных тушах, соединяя две части стихотворения в единое целое.

Значимым в контексте 2 части рассматриваемого стихотворения представляется нам фигура «главного мастера», старого мясника и подмастерьев, играющих в карты:

Главный мастер сурово прикажет: «Валет!» —
 И рябую колоду отдаст подмастерьям...
 Ставит старый мясник без ошибки на трэф...

Примечательно, что мотив карточной игры, традиционный для русской литературы, буквально пронизывает вторую, мифопоэтическую часть стихотворения. С одной стороны, карточная игра ассоциируется со случайностью. Это «лик хаоса, торжества случайностей, образом которых является мир азартной карточной игры» [7, 798]. Однако заметим, что «главный мастер», управляющий этим миром, «ставит...без ошибки на трэф». Традиционно эта масть, связанная с образом креста, является «символом истинного знания об устройстве мира и природе человека», несущую «освобождение от оков чисто материалистического существования и

связанных с ним страданий, символ освобождение от невежества» [8]. В таком контексте даже финал стихотворения не кажется пессимистичным:

Ставит старый мясник без ошибки на трэф,
Возле окон шатаясь, горланят гуляки.
И у ям, от голодной тоски одурев,
Длинным воем закат провожают собаки.

Таким образом, стихотворение замыкается в символический круг: прорастающая сквозь сосновые половицы трава символизирующая возрождение, всходы в начале стихотворения, заканчивается закатом, провожаемым «длинным воем» собак, чтобы вновь повториться, но уже с надеждой на новое будущее.

Методы исследования

Примененные в процессе исследования культурно -исторический, сравнительно-исторический, мифопоэтический методы анализа художественного произведения, позволил нам «вписать» картину мира, отраженную в стихотворении П. Васильева не только в культурно-исторический, но и в мифопоэтический контексты.

Результаты исследования

В процессе анализа стихотворения «Мясники» в контексте мифопоэтических смыслов, стихотворение было «вписано» в контекст русской и европейской культуры, что дало возможность выделить дополнительную семантику образов, составляющих художественную ткань стихотворения.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о семантической многоплановости стихотворения «Мясники», в котором сфокусировались ведущие мотивы его более позднего творчества, связанные с идеей возрождения, естественного круговорота в природе.

Литература:

1. Васильев П. Сочинения. Письма./Под ред. С.С. Куняева.- М.: Эллис Лак 2000, 2002. - 896 с.
2. Киргизский край. Энциклопедия. (Электронный ресурс). URL: <https://e-history.kz/ru/books/journal> (Дата обращения: 28.11.19).
3. Мясо в живописи. Еда в живописи. (Электронный ресурс). URL: <http://www.art-eda.info/myasov-zhivopisi.html> (Дата обращения: 28.11.19).
4. Куняев С. «Русский беркут»// Нива, 2000. №2.
5. Щеглова Т.К. Сельскохозяйственная торговля Степного края и Западной Сибири на межрегиональных ярмарках начала 20-го века: новые тенденции. (Электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/> (Дата обращения: 28.11.19).
6. Заболоцкий Н. На рынке. (Электронный ресурс). URL: <https://stihi-rus.ru/1/Zabolockiy/60.htm> (Дата обращения: 28.11.19).
7. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. — СПб.: Искусство-СПБ, 1995. — С. 786.
8. Сравнение двух символических систем: матрицы судеб и древнеславянской азбуки. Карты трэфовой масти. (Электронный ресурс). URL: https://crisis52net.ucoz.net/publ/sravnenie_dvukh_simvolicheskikh_sistem_matricy_sudeb_i_drevneslavjanskoj_azbuki_karty_trefovoj_masti/1-1-0-25 (Дата обращения: 28.11.19).